

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Многие хотели найти
кольцо, по легенде,
принадлежавшее
поэтам-символистам
начала XX века...

Мария СПАССКАЯ

Мистическое кольцо СИМВОЛИСТОВ

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Мистическое кольцо символистов

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спасская М.

Мистическое кольцо символистов / М. Спасская — «Эксмо»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-097718-5

В издательстве «Скорпион», где объединились знаменитые поэты начала XX века Андрей Белый и Валерий Брюсов, основоположники русского символизма и признанные мистики эпохи, царило оживление. К ним со своими стихами обратилась внебрачная дочь опального князя Ольга Волынская. Но мало кто знал, какую постыдную тайну она хранила... Следователь Цой с детства стеснялся своей громкой фамилии. Однако ему пришлось забыть об этом, когда он начал расследовать убийство известного биоэнергетика Ильи Панаева. Знаменитого гуру-мистика убили в собственной квартире, причем с его руки пропало кольцо, по легенде, принадлежащее поэтам-символистам начала XX века...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097718-5

© Спасская М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Москва, август 1910 года	6
Москва, наши дни	15
Москва, август 1910 года	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Спасская

Мистическое кольцо символистов

© Спасская М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Москва, август 1910 года

Летнее солнце играло на мозаике недавно отстроенного здания гостиницы «Метрополь», барашки облаков паслись в лазурной сини неба.

Свернув за угол гостиницы, Долли вошла в подворотню, миновала двор, поднялась на второй этаж и остановилась у медной таблички с надписью «Издательство «Скорпион»». Прижала к груди дрожащую руку – если наблюдают, пусть думают, будто она волнуется. Постояла так с минуту, прислушиваясь к шуму за дверью. Из редакции доносился гул, напоминающий шум растревоженного улья. Вжившись в роль застенчивой скромницы, она тряхнула головой, потянув на себя тяжелую дверную створку. И шагнула в прихожую.

С неделю назад, когда шла сюда в первый раз, было любопытно.

Брюсов, Белый – какие они? Оказалось – отравленные ядом собственного величия, ибо среди поэтов-символистов слывут божествами. Они как Луна и Солнце. А вокруг солнцеподобных мэтров вьются-увиваются звездочки помельче, но тоже о себе изрядно понимающие. Все спесивые, с амбициями и странностями, точно персонажи Страны чудес сочинителя Кэрролла.

Сказку эту Долли знала наизусть – давным-давно, в далеком ее детстве, заботливый доктор Войнич приходил к ней в комнату, справлялся о самочувствии и, присев на край постели и подоткнув одеяло под бок, прочитывал несколько глав. Дни шли за днями, весну сменяло лето, а зима приходила на смену осени. Дочитав книгу до конца, доктор вновь открывал первую страницу «Алисы» и принимался читать с самого начала. Прошло много лет, и перед отъездом из Англии Долли, ностальгируя по тем счастливым денькам, даже перевела на русский язык эти две загадочные повести, и теперь все еще пребывала под впечатлением от созданного Кэрроллом волшебного мира.

Брюсов в ее воображении был, конечно же, гневливой Королевой Червей, рубящей головы направо и налево. Ходили слухи, что поэт – черный маг. И Королева Червей, вне всякого сомнения, злая ведьма. Властная и жестокая, издевается над нелепыми существами Страны чудес, питается их страхом. Совсем как Брюсов.

Андрей Белый внешне казался Белым Кроликом. Такой же суетливый, раскосый, словно все время испуганный. Мечется туда-сюда, как будто куда-то опаздывает, машет руками, говорит, говорит, захлебываясь словами – эмоциями. А по сути-то, конечно, больше походит на Белую Королеву, выступающую против гнета Червонной Королевы.

Противостояние Белого и Брюсова ощутимо витало в воздухе гостиничного номера, нагнетая тревогу. Конторщик Алмазов был единственный, кто держался от конфликта в стороне. Пока другие «Скорпионовцы» строили друг другу козни, конторщик смирно сидел в прихожей и ждал распоряжений, а получив команду, кидался тут же ее выполнять. Вот и сейчас в неизменном синем пиджаке и гороховом галстуке он расположился рядом со столиком и складывал в стопку бланки подписных листов.

Вскинув глаза на открывающуюся дверь, расплылся в улыбке и, деликатно прикрываясь ладонью от исходящего от него чесночного духа, угодливо выдохнул:

– Доброго денечка, госпожа Волынская.

Долли знала о магическом действии, которое оказывает на людей, и относилась к замешательству собеседников с некоторым раздражением. Не только мужчины, но зачастую и женщины терялись, стоило им приблизиться и взглянуть на нее. Она подолгу стояла перед зеркалом, рассматривая прозрачное свое лицо с заостренным сердечком подбородком, большие, почти белые глаза в длинных щетинках ресниц, тонкий короткий нос и причудливо изогнутые, словно бы всегда капризные губы. Рассматривала и не могла понять, что необыкновенного находят в ней люди.

Конторщик на секунду замялся, умильно заглядывая под шляпку и ощупывая ласковым взглядом ее лицо, и с благоговением завел:

– Извольте видеть, Ольга Павловна, сиюж дождаюсь, когда студента Жилина выпроводят. А там пойду в лабаз.

– Здравствуйте, Алмазов. Кто сейчас в редакции?

– Редакционный совет, правда, не в полном составе. Балтрушайтиса нет, Садовского, Соловьева. Да, и Белого нет. Куда-то на извозчике укатил.

– А Брюсов на месте?

– Валерий Яковлевич пока еще здесь. Но скоро откланяется – он всегда в это время уходит обедать домой, к Иоанне Матвеевне. Остальные собираются отмечать выход нового альманаха. Вот, отрядили меня к Елисееву за мадерой и фруктами. Что-нибудь желаете, кроме мадеры? Для вас персонально исполню любой каприз.

– Благодарю вас, Иван Всеволодович, – откликнулась Долли. – Мне ничего не нужно.

– Если мадера не нравится, лично вам могу принести шампанского, – не унимался конторщик.

– Спасибо, это излишне, – с досадой отмахнулась девушка, оставляя на стойке перчатки и зонтик и проскальзывая в комнату, откуда доносились голоса.

Главное помещение издательства являло собой уютно обставленную гостиную, единственная особенность которой заключалась в чрезмерном количестве столов. У длинного общего стола переминался с ноги на ногу постоянный посетитель издательства, поэт-неудачник Жилин, приходивший в «Скорпион», как на работу, в бесплодной попытке пристроить свои творения.

– Да поймите же вы, наконец, – поглаживая острую бородку и меряя шагами комнату, раздраженно говорил смуглый, чернявый, похожий на европеизированного татарина Брюсов. – Вы, Жилин, пишете не стихи, а рифмованную пошлость. Сделайте одолжение, носите их в другие издательства! Забудьте дорогу в «Скорпион»!

Мэтр остановился посредине комнаты и сердито закончил:

– В конце концов, это бессовестно с вашей стороны – воровать чужое время!

«Как есть Червонная Королева», – отметила про себя Долли, с интересом наблюдая за происходящим.

Сотрудники редакции смотрели на начинающего литератора без сожаления. При виде Долли Жилин покраснел, смутился, скомкал фуражку и, нервно дернув щечкой, опрометью выбежал из комнаты. Вслед ему послышались ехидные смешки.

– Ольга Павловна, голубушка, вас, случайно, не зашибли? – не отрываясь от пасьянса, с деланным участием осведомился маленький сухощавый человечек из отдела немецкой поэзии, фамилии которого Долли никак не могла запомнить и называла про себя Безумным Шляпником за пристрастие к высокому цилиндру.

– Госпожа Волынская пришла? – порывисто обернулся Брюсов. – Ольга Павловна, примите мои поздравления!

Шагнув к столу, Брюсов взял толстый альманах и двинулся навстречу Долли, протягивая книгу.

– Откройте на двадцать пятой странице! Откройте-откройте! Видите? Ваши стихи! Рад сообщить, что «Скорпион» готов печатать вас и дальше!

Стоило прозвучать похвале мэтра, как в ту же секунду восстала оппозиция. Осведомленный обо всех делах редакции наилучшим образом, неизменно улыбающийся секретарь Лианопуло выкрикнул от окна:

– Валерий Яковлевич, это уже слишком! Что значит – «и дальше печатать»? «Стихи» – это сколько? Одно стихотворение? Два? Десяток? Имейте в виду, в следующий номер альманаха только одну вещь госпожи Волынской смогу принять!

– Да я, собственно, больше и не прошу, – улыбнулась Долли.

– Вот, видите, Ольга Павловна больше не просит, а вы уже запаниковали, – обернувшись к секретарю, широко улыбнулся Брюсов, и улыбка эта походила на волчий оскал. И с оскорбительной вежливостью добавил, пожирая неприятеля глазами: – Сергей Аристархович, не считите за труд, в следующем номере альманаха, будьте так добры, забронируйте место для стихотворения госпожи Волынской.

И с иронией добавил:

– А то скажете потом, что вас не предупреждали.

Брюсов с грацией барса прошелся по помещению редакции и, поравнявшись с дверями, проговорил:

– Все, господа, я ушел.

Прощаясь, мэтр картинно взмахнул рукой, сняв с вешалки, ловко надел на голову шляпу, подхватил портфель и, поигрывая тростью, покинул редакционную комнату. С минуту в помещении стояла тишина, нарушаемая лишь шлепаньем карт о поверхность стола и размеренным стуком пишущей машинки. Машинка смолкла, и от окна раздалось тягучее контральто с французским прононсом:

– Скажите, дорогуша, зачем вам псевдоним? Ведь очевидно, что настоящая фамилия вызовет вокруг вашей персоны гораздо большую ажитацию, чем пресный и бесцветный «Александр Зорин», коим вы подписались в этот раз.

Долли обернулась и встретила глазами с рыхлой брюнеткой в мужском костюме. Ярко накрашенное щекастое лицо резко контрастировало с коротко подстриженными и уложенными на мужской манер гладкими черными волосами. Звали брюнетку Амалия Коган.

Амалия писала хлесткие, злые рецензии и в стремлении эпатировать окружающих не только одевалась в мужское платье, но и не выпускала пеньковой трубки из уголка пухлых ярко накрашенных губ. За курение и неожиданные высказывания Долли про себя называла ее Синей Гусеницей. Однако Амалия права – фамилия была бы лучше псевдонима.

Неделю назад, впервые переступив порог редакции, Долли явственно почувствовала неоднозначность своего положения. В устремленных на нее глазах литераторов читались интерес и некоторая брезгливость. Дело в том, что Ольга Павловна Волынская была незаконнорожденной дочерью великого князя Николая Константиновича Романова, прозванного в народе Опальный Князь. В немилость к венценосному семейству Николай Константинович попал после скандала с кражей семейных реликвий, сделавшегося анекдотом.

Во время традиционных семейных ужинов в Зимнем дворце, проводившихся в покоях Марии Александровны, вдруг стали исчезать драгоценности. Первой пропала любимая печатка хозяйки – гемма из цельного дымчатого топаза. После следующего семейного ужина из покоев испарилась другая реликвия – фарфоровая чашка «опак» с китайским рисунком. Результатом очередной семейной трапезы стало исчезновение карандаша в золотом футляре с большим рубином на кончике. Тут уже терпеть стало никак невозможно, и царская семья принялась проводить расследование. Деликатное, но тщательное. Пропавшие следом за карандашом бриллианты из оклада Владимирской Божьей Матери нашлись в одном из Петербургских ломбардов. А сдал их туда адъютант великого князя Николая Константиновича.

Вариантов было два – либо адъютант по личному почину и к собственной выгоде воровал у венценосных особ. Либо в похищениях был замешан великий князь. Но Николай Константинович категорически отказался давать какие-либо объяснения. В интересы семьи не входило, чтобы об этой истории узнало общество, поэтому князя признали душевнобольным и направили под надзором медиков и жандармов в имение в Ореанде. Надзор был не слишком строг – стоявший во главе охраны князь Ухтомский закрывал глаза на частых визитеров узника, и на замужнюю графиню Демидову не обращали внимание до тех пор, пока добродушный старик Ухтомский не застал молодых людей в будуаре за весьма недвусмысленным занятием. В Петер-

бург ушел донос, великого князя тайно отправили во Владимирскую губернию, но графиня Демидова уже ждала от Опального князя ребенка. А родив, стала забрасывать императора требованием выделить ей средства на содержание младенца.

Через некоторое время Опального Князя вернули в Ореанду. Получившая развод графиня тоже приехала в Крым. Как-то в отсутствие князя слуги заглянули в гардеробную и увидели прятавшуюся там молодую особу. Так и выяснилось, что разведенная графиня, никем не замеченная, провела в спальне члена императорской фамилии более десяти дней. Женщина сразу же заявила, что опять беременна от Николая Константиновича и намерена отбыть в Санкт-Петербург, где будет добиваться аудиенции у императора по поводу новых выплат.

На этот раз изгоя семейства Романовых сослали как можно дальше, в Оренбург, а авантюристка в спешном порядке была выдана замуж за графа Павла Сумарокова-Эльстона, взявшего на себя воспитание детей супруги. Сын Николай и дочь Ольга удостоились от Александра Третьего дворянского звания и фамилии Волынские, а также отчества Павловичи – в честь приемного отца. Не без участия родни по материнской линии Ольга получила вполне приличное образование в Британии, в эстетическом пансионе леди Эмили Грэхем, где за миловидность девочку прозвали Долли¹.

История предприимчивой графини и простодушного князя стала известна из-за болтливости слуг, раздающих интервью охочим до сенсаций журналистам. Время от времени, когда газеты испытывали информационный голод, в редакциях припоминали давнишний скандал и в очередной раз расписывали похождения графини Демидовой, так что шумиха вокруг имени брата и сестры Волынских с завидной регулярностью всплывала в прессе. На что и намекала Синяя Гусеница.

Долли поправила шляпку, безмятежно улыбнулась и довольно вежливо откликнулась:

– Благодарю за совет, мисс Коган, но я твердо решила и впредь подписываться мужскими именами.

– Следующие стихи, должно быть, подпишите Модест Рюмин? – насмешливо процедила сквозь сжимающие черенок трубки зубы рецензентка, и Долли похолодела. Откуда она знает?

Победоносно глядя на растерянное лицо собеседницы, Амалия с вызовом продолжала:

– Неужели вы, Ольга Павловна, не понимаете, что ваши стихи еще бездарнее, чем так называемая «поэзия» графомана Жилина? Но, заметьте, вирши студентика Валерий Яковлевич с негодованием отвергает, а ваши стишата вдруг одобрил. Хотите знать отчего? А оттого, что вы – Ольга Волынская! Знаменитость! А раз уж у вас нет других козырей, так и будьте Волынской!

Долли смутилась еще сильнее и простодушно вымолвила:

– Скажите прямо, Амалия Карловна, вы что-то имеете против меня?

– А вы как думаете? – зло прищурилась рецензентка. И с интонациями базарной торговки выкрикнула: – Пришла, стишата бездарные принесла и думает, все перед ней упали на колени!

– Девочки, не ссорьтесь! – замахал руками секретарь, опасливо поглядывая на Амалию и через силу удерживая улыбку на покрытом бисеринками пота лице. – Худой мир лучше доброй ссоры. Подумайте сами, что вам делить? Альманах выходит, стихи печатают, рецензии публикуют, чего еще желать?

– А вам не кажется, Рерик, что вы слишком много на себя берете! – перекинулась на секретаря побледневшая от злости рецензентка. – Кто вы вообще такой? Откуда вы взялись? Выскочка и интриган! Ничего в издательстве не делаете, только сплетни разносите и против Брюсова интригуете! Не смейте затыкать мне рот!

– Амалия Карловна! А пойдемте-ка обедать! – не дожидаясь ответной отповеди вдруг переставшего улыбаться Лианопуло, разрядил обстановку Безумный Шляпник. Он только что

¹ Doll – кукла (англ.).

закончил складывать пасьянс – и пасьянс таки сошелся. И теперь он любил все человечество и умиротворенно смотрел на окружающих. – Есть хочется, прямо сил нет. Заодно и отметим.

– А как же Алмазов? – насторожился Лианопуло. – Придет с мадерой, а в конторе никого.

– Не страшно, – убирая карты в выдвижной ящик стола, передернул плечами специалист по немецкой поэзии. – Вино не пропадет. И фрукты тоже. Да и что это за еда – какие-то фрукты? Я бы сейчас быка съел.

– Я бы тоже не отказался от хорошей отбивной, – благодушно подхватил секретарь.

– А Ольга Павловна идет? Госпожа Волынская, вы составите нам компанию? – желчно осведомилась Амалия. – Или гусь свинье не товарищ?

– С огромным удовольствием приму приглашение, – невозмутимо откликнулась Долли.

Девушка развернулась и двинулась к дверям, и уже в прихожей, когда брала со стойки перчатки и зонт, ее догнали остальные.

Спустившись по лестнице, все устремились на улицу, к светящейся вывеске ресторана, и ливрейный швейцар предупредительно распахнул перед компанией двери. Сотрудники «Скорпиона» остановились в дверях и стали дожидаться приотставшего секретаря, запиравшего редакцию.

Выросшая в английском пансионе и не привычная к ресторанам, Долли с уверенным видом села за стол, решив, что как-нибудь справится. И уже через минуту ощутила, какое это колоссальное неудобство – лакей за высокой спинкой кресла. Человек в отливающем синевой фраке зорко следил за тем, чтобы не упустить момента и выхватить у нее из рук блюдо с недоеденным бифштексом, в самую неподходящую минуту подсунуть салат, внезапно обдать терпким соусом незнакомое блюдо. Из незримости то и дело возникали руки в белых перчатках и своей неутомимой активностью парализовали деятельность ее пищеварения.

Мучительно страдая от навязчивого сервиса, Долли с непроизвольной завистью косилась на секретаря, с аппетитом и знанием дела уплетающего то, что подадут.

– Ну что, друзья, закажем парочку «Клико»? – после первой бутылки подмигнул коллегам секретарь.

– Отчего бы и нет? Севрюжки бы еще к шампанскому, а то устрицы как-то слишком быстро проскакивают, задевая тонкие струны души, но не насыщая желудка. Тем более что платит за все Поляков², – с воодушевлением подхватил Безумный Шляпник.

– Вот мы здесь с вами севрюжку вкушаем, а Брюсов сейчас в картишки по маленькой супруге проигрывает, – хихикнул секретарь. – И пьет чай с бубликами. Вы только представьте себе: наш демонический Брюсов – и бублики у самовара!

– Можете сколько угодно глумиться! В отличие от вас, бездарностей, Валерий Яковлевич – общепризнанный гений, – презрительно обронила Амалия.

С насупленным видом игнорируя лакея и не притрагиваясь к еде, она потягивала шампанское, шурясь на коллег сквозь выпускаемый из носа табачный дым.

– Хотя откуда вам знать? В поэзии вы ни-чер-та не смыслите. Вы бездари! Кретины! Убогие комедианты!

– Ну-ну, Амалия Карловна, успокойтесь! – осадил рецензентку секретарь. – Вы вторгаетесь в чужую епархию. Вы же не истеричка, у вас другое амплуа. Истеричка у нас Петровская.

И, пожирая Долли глазами и улыбаясь, как Чеширский Кот, Лианопуло подался вперед.

– Вы что же, Ольга Павловна, не знаете историю создания «Огненного ангела»? Ну, про Брюсова, Петровскую и Белого? Да, вы же недавно вернулись в Россию! Так слушайте, я вам расскажу.

– Ну-у, началось, – раздраженно проговорила Амалия, выколачивая трубку о край хрустальной пепельницы, однако секретарь сделал вид, что не заметил очевидного сарказма.

² Поляков Сергей Александрович – русский меценат и переводчик, основатель издательства «Скорпион».

– Давным-давно, году, эдак, кажется, в девятьсот четвертом, – неспешно заговорил Чеширский Кот, – Андрей Белый был очень молод, золотокудр, голубоглаз и в высшей степени обаятелен. Газетчики умилялись над его творениями, поражавшими новизной и, как считалось среди рецензентов, не лишенными проблесков гениальности. В стихах и в прозе прослеживалось его мистическое призвание. Пусть и не истинное, пусть символистское. Это не важно, важно, что в призвание верили и сам Белый, и его поклонники. О, как он умел восхищать! Как сам впадал в экстаз и приводил других в священный трепет! В присутствии Андрея Белого все словно озарялось его светом, и все без исключения – даже недобрый Брюсов – были в него немножко влюблены. Как же бедняжке Нине Петровской было не попасть под обаяние солнечного поэта?

– Вранье, – заплетающимся языком проговорила Амалия, ладонью рубанув густой табачный дым. – Белый первый увлекся Ниной. И вообще, скажите, Рерик, почему Петровская должна была отказываться от соблазнительного романа, имея такого скучного мужа, как Серж? Милая моя, – обернулась рецензентка к Долли, – вы же знаете Ниночкиного Сержа? Признайтесь, вы бы тоже стали ему изменять. Что вы на меня так смотрите? – фыркнула Амалия, заметив недоумение в глазах собеседницы. – Только не говорите, что не знаете Сержа Соколова-Кречетова! «Грифа» знает вся Москва!

– Душа моя, Амалия Карловна, конечно, Ольга Павловна не знакома с владельцем издательства «Гриф»! Не забывайте, она всего лишь месяц назад приехала в Москву, – снисходительно глядя на Амалию, вымолвил Шляпник.

– Ох уж мне эти провинциалки, – процедила рецензентка.

Шляпник же развернулся к Долли и, подливая шампанского, вкрадчиво проговорил:

– Чтобы вы, дорогуша, были в курсе того, что происходит у нас, символистов, кратенько поясню. Следующие путем символизма должны быть одержимы. Одержимы чем угодно, требуется лишь полнота одержимости. Любые переживания почитаются благом, лишь бы их было много, и переживания эти были бы сильны. Личность – это копилка, мешок, куда сыплются накопленные без разбора эмоции. А перед тем как умереть от духовного голода на мешке накопленных эмоций, мы, скупые рыцари символизма, непрестанно перестраиваем мысли, чувства, отношения, разыгрывая собственные жизни в театре жгучих импровизаций, играя всегда и везде, даже перед самими собой. И что уж тут поделаешь, если любовь – как настоящая, так и вымышленная – дает самый полный спектр острейших эмоций! Именно поэтому невлюбленный символист – это нонсенс. В любви есть вся гамма переживаний – надежда, отчаяние, ненависть, печаль, и все это в превосходной форме. Ах, Ольга Павловна! Если бы душа моя не являла собой выжженную пустыню, я бы непременно в вас влюбился!

– Закарихин, вы дурак, – презрительно обронила Амалия. – На кой черт вы ей сдались? У Ольги Павловны есть кое-кто получше.

От этих слов у Долли по спине пробежал тревожный холодок, и снова в голове мелькнула мысль: «Откуда она знает»?

Шляпник надулся и с пафосом вымолвил:

– Вернемся, однако, к нашим баранам. Закончилось все тем, что супруга издателя Соколова, «Грифа», Нина Ивановна Петровская со всей отпущенной ей создателем животной страстью влюбилась в светозарного Андрея Белого.

– Не в бровь, а в глаз, – уплетающий севрюгу секретарь благожелательно улыбнулся Шляпнику, и тот, подбодренный, вдохновенно продолжал:

– И светоч символистов Андрей Белый, сперва поддавшись соблазну, завел было с Ниной Петровской интрижку. Однако вскоре опомнился и перепугался, что слишком земная Ниночкина любовь запятнает белоснежные ризы, в которые его обрядила толпа. И после нескольких интимных встреч поэт перестал откликаться на призывы Петровской. Он бежал от нее, чтобы еще ослепительнее сиять пред другой, которая – предвестница Жены, Облеченной В Солнце.

Обиженная Нина Ивановна захотела вернуть Белого, и в поисках союзников огляделась по сторонам.

– Огляделась и заметила Брюсова, – пьяненько хихикнул Чеширский Кот. – Валерий Яковлевич, знаете ли, раньше Нину Ивановну в упор не замечал, а когда понадобилось воевать против Белого – вдруг почтил своим вниманием.

– По другому и быть не могло, – подхватил Безумный Шляпник. – Как ярому стороннику демонизма, Брюсову полагалось перед Женой, Облеченной В Солнце, предстать во всей своей дьявольской красе. И, став соперницей Жены, Нина Ивановна приобретала в глазах Брюсова несомненную ценность. Ибо так же, как и он, облеклась демоническим ореолом. И Брюсов предложил Нине Ивановне союз, убедив, что его занятия оккультизмом, спиритизмом и черной магией помогут вернуть отступника. Как вы уже поняли, Ольга Павловна, вступившие в орден символистов, должны непрестанно гореть и двигаться, не важно куда – в ад или в рай. Главное – идти напролом и до самого конца. И Петровская приняла предложение Брюсова, переживая новые отношения как союз с самим дьяволом и нисколько не сомневаясь в том, что при помощи месс и заклинаний ей удастся Белого вернуть.

– Вы спросите, Валерию Яковлевичу-то это зачем? – снова встрял секретарь. – Я вам отвечу. Брюсов, всегда уважавший науку и из новых научных источников узнавший, что в великий век ведовства ведьмами почитались истерички, решил сделать из истерички ведьму.

– Рерик, вы лжете! – вспыхнула Синяя Гусеница. – Нина не ведьма!

Лианопуло замолчал и, не переставая тонко улыбаться, крутил в пальцах хрупкую ножку бокала, глядя перед собой, и, казалось, не замечая нападок Амалии. Затем негромко проговорил:

– Да, несомненно, ведьма Рината. Капризная и взбалмошная в сиюминутности своих желаний. Именно с Нины Ивановны Брюсов списал героиню «Огненного ангела». С Андрея Белого – Генриха. А под именем Руприхта вывел себя. Если вы помните, в конце романа автор убил Ринату. Нина Ивановна пока еще жива, хотя не знаю, можно ли такое существование назвать жизнью.

– Не надо передергивать, – насупилась рецензентка. – Петровская живет, как все мы.

– Не скажите, Амалия Карловна. Не скажите. Не раз бывал на журфиксах у Нины Ивановны и даже удостоивался чести уединиться с любезной хозяйкой в будуаре. Бывало, сидит Ниночка в гостиной в окружении собравшихся в ее доме молодых людей, мечтающих пристроить в издательстве «Гриф» рукопись. Сидит, о чем-то грезит. И – вдруг обведет гостей томным взором, точно выбирает. Осмотрит всех, остановится на одном, тряхнет прелестной курчавой головкой, улыбнется избраннику, подойдет, возьмет его за руку и уведет в будуар. А минут через десять выйдет как ни в чем не бывало, поправляя прическу и одергивая платье – черное, траурное, украшенное деревянным крестом на длинных четках. Одним словом, мистическое. И все присутствующие старательно делают вид, будто ничего не произошло. Даже муж ее, издатель Соколов. Кто же она, как не взбалмошная истеричка, принятая Брюсовым из жалости в «Скорпион»?

– Не забывайте, Лианопуло, вы говорите о моей подруге! – одернула секретаря Синяя Гусеница. – Не надо врать, что Нину Ивановну взяли из жалости. Все-таки Ниночка не последний человек в издательстве. Рецензии пишет.

– Да, пишет, – покладисто кивнул секретарь. – Однако Брюсов доверяет Нине Ивановне рецензировать лишь самых плохоньких авторов. Авторы получше наш гений ямбов и хореев швыряет под ноги Викентьеву и вам, любезная Амалия Карловна. Уж поверьте, Петровская бездарна во всем, даже в сексе. Я заявляю это как человек, неоднократно припадавший с ней на ложе.

– Лианопуло, вы мерзавец! – воскликнула Амалия, размахивая в воздухе рукой в безуспешной попытке отвесить оппоненту пощечину. – Будь я мужчина, вызвала бы вас на дуэль.

– Э-э, голубушка, да вы, по своему обыкновению, наклюкались! – издевательски пропел Чеширский Кот, покидая свое место, огибая стол и протягивая к рецензентке руки. – Ну же, Амалия Карловна, поднимайтесь! И ножками, ножками! Домой, домой! Благо ваш дом здесь рядышком.

– Уберите от меня руки, вы! – едва не упав со стула, отшатнулась Амалия. – Я и без вас дойду.

– Вот и отлично, – согласился Лианопуло, отходя в сторону и предоставляя Амалию самой себе.

Поднявшись из-за стола, компания направилась к дверям. Вышли на улицу, но сразу расходиться не стали, устремившись вниз по Никольской, мимо собора спускаясь напрямик к Красной площади. Постукивая тростями по булыжной мостовой и оживленно беседуя о преувеличенной роли Балтрушайтиса в жизни издательства, первыми шли мужчины. Следом за ними, высматривая извозчика, двигалась Долли. Амалия плелась позади всех, с трудом переставляя нетвердые ноги и каждую секунду рискуя упасть.

Еще издали Долли приметила фигуру городского. Низенький и тщедушный, он утомленно топтался перед церковью, охраняя высокий ящик. На накинутаой поверх ящика алой тряпке в лучах закатного солнца сияло нечто стеклянное. Заметили городского и мужчины.

– Это что же за экспонат? – вытянул шею секретарь, сдвинув канотье на затылок и устремляясь вперед в непреодолимом желании как можно скорее разглядеть загадочный предмет.

– Бросьте, Рерик! Разве не знаете? Голова террориста, – откликнулся осведомленный Шляпник. И многозначительно прищурился: – Не помните? Пару дней назад здесь, на паперти, прогремел взрыв.

– Да-да, что-то такое припоминается, – закивал Лианопуло.

– Злодей покушался на генерал-губернатора, а подорвал себя.

Приблизившись к городскому, сотрудники издательства остановились, и стали внимательно рассматривать воздвигнутый у церкви объект.

– Врете вы все, Закарихин! Это вы злодей, а он – герой, – вдруг из-за спин коллег заплетаящимся языком провозгласила Амалия Коган.

– Как вам будет угодно, – не стал упрямиться Шляпник. – Пусть будет «герой». Так вот, «героя» так и не опознали. И, в надежде, что кто-нибудь из прохожих прояснит загадку подорвавшей себя «героической личности», тело террориста отвезли в полицейский морг на Божедомку, а голову заспиртовали и выставили на всеобщее обозрение.

Пока другие подгулявшие «скорпионовцы» с интересом обзревала плавающее в мутной жидкости синюшное лицо скуластого преступника, приседая в попытке заглянуть в его полуоткрытые мертвые глаза, Амалия неожиданно шагнула вперед, подхватила банку и поднесла к самым глазам.

– Но-но, не балуй, – сдавленно выдохнул городской, делая движение забрать охраняемый объект.

– На ночь его здесь оставите, инквизиторы, – скорбным голосом сообщила Амалия.

– Не извольте беспокоиться, не оставим, – заверил городской. И для чего-то пояснил: – В дом к протоиерею занесем.

– Боже мой, какой же он прекрасный. – Амалия вдруг заплакала. – Я люблю его еще больше!

– Вы что же, сударыня, знакомы с преступником? – оживился служивый. – Можете назвать фамилию, имя? К какому сословию принадлежит?

– Ну что вы, господин офицер, Амалия Карловна никого не знает, – оттесняя рецензентку плечом, торопливо заговорил секретарь. И, подмигнув городскому, интимно понизил голос: – Вы же видите, офицер, дамочка не в себе. Прошу заметить, госпожа Коган не какая-нибудь там

легкомысленная девица, она почтенная сотрудница издательства «Скорпион». Просто пересталась с шампанским.

«Господин офицер» немного успокоился и шагнул к Амалии, собираясь забрать банку. И в этот момент Амалия, оттолкнув постового, вдруг припала губами к стеклу в том месте, где в формалиновой жиже виднелся приоткрытый рот покойника.

Измученный городской двумя руками схватился за склянку, с силой дернув на себя. Завладев объектом, он развернулся и засеменил к дому протоиерея.

Амалия внезапно топнула ногой, и, глядя в спину удаляющемуся стражу порядка, с надрывом закричала:

– Я все равно спасу его от поругания! Этой же ночью спасу! Он лучше вас! Выше! Чище! Прекраснее! Вы и мизинца его не стоите!

– Ну-ну, Амалия Карловна! Возьмите себя в руки! – попытался урезонить Синюю Гусеницу секретарь, пока Шляпник индифферентно стоял в стороне, на всякий случай делая вид, что он не с ними.

– Не смейте меня трогать! – истерично блажила рецензентка. – Вы мизинца его не стоите! Слышите, Лианопуло? Уберите руки! Я сама дойду.

Она покачнулась и снова едва не упала.

– Елисей Макарович, Ольга Павловна, помогите же! – суетился секретарь. – Амалия Карловна сама не своя.

Шляпник обхватил всхлипывающую Гусеницу за плечи справа, Долли зашла слева, и сотрудники «Скорпиона» повели рецензентку к виднеющемуся сразу за церковью дому, направляясь к парадному, на которое сумбурными взмахами коротких полных рук указывал секретарь.

– Сюда, прошу! Заводите в подъезд!

Проводив Амалию до подъезда, Долли дальше не пошла, решив, что мужчины и сами справятся, а ей пора домой. Она шла и думала о задании, которое, похоже, выполнила на отлично. Не огрызалась, не выказывала норов, хотя в некоторых ситуациях и могла бы. Она молодец. Лев останется ею доволен.

Как и договаривались, Долли сумела войти в жизнь редакции так, чтобы не вызвать подозрений и сделаться своей. И даже, как Лев и просил, напечатать в альманахе стихи Александра Зорина.

Москва, наши дни

В отличие от других следователей городской прокуратуры Виктор субботние дежурства любил. Особенно летом, вот как сейчас, в самом конце августа. Оно и понятно – у большинства сотрудников имелись семьи, и, как следствие, в выходные их выгоняли на прогулку в парк. Или зазывали в торгово-развлекательный комплекс на шопинг и просмотр блокбастеров. У Виктора же не было ни семьи, ни детей. Одна только робкая надежда, что жена Оксана когда-нибудь раскается в содеянном и попросится обратно. Хотя куда ей проситься? В двенадцатиметровую комнатуху в коммуналке на Басманной?

На Басманную следователя завлек приятель Борис Карлинский. Карлуша, как Виктор его называл. Практикующий психолог-психиатр из института Сербского, активно сотрудничающий с силовыми ведомствами при подборе кадров, доктор Карлинский не только составлял психологические портреты кандидатов, но даже мог спрогнозировать их дальнейшее изменение после нескольких лет работы в структуре МВД. А также подвизался в прокуратуре в качестве консультанта.

Узнав приятеля поближе, Виктор пришел к выводу, что перед ним ярчайший пример сибарита и гедониста с неисчерпаемым запасом бьющей через край жизненной энергии. В ранней юности Виктора одолевала невероятная стеснительность, с которой он усиленно боролся, однако не всегда успешно, и потому страшно завидовал напористым и энергичным людям, не испытывающим проблем в общении. Таким вот гедонистам и сибаритам, как Боря Карлинский.

Основной же своей проблемой считал ужасно неудачное сочетание фамилии и имени – угораздило же его родиться Виктором Цоем! Хорошо, хоть не Робертовичем. Семейное предание гласит, что, посетив в феврале восемьдесят третьего года совместный электрический концерт групп «Кино» и «Аквариум», московский кореец в десятом поколении Максим Цой так вдохновился раскрашенными в темный грим и разодетыми в костюмы со стразами музыкантами, а особенно своим однофамильцем, распеваящим под гитару «Алюминиевые огурцы», что прямо там, на концерте, торжественно поклялся – если будет когда-нибудь сын, назовет его Виктор.

Сын родился ровно через год, и благодаря отцу, сохранившему верность данному слову, стал заложником собственного громкого имени. Если в саду, куда ходил маленький Витя, лишь некоторые подкованные в отечественном роке отцы зажимали его в раздевалке между шкафчиками и допытывались, правда ли, что имя его Виктор, а фамилия – Цой, то в школе, поступление в которую пришлось как раз на год гибели всенародного кумира, первокласснику Цою не давали прохода. Где-то классу к шестому особо остроумные старшеклассники освоили шутку – рассредоточившись в туалетах на разных этажах, подстерегали его и требовали, чтобы Витя спел им «Группу крови». Или «Кукушку». Или «Звезду по имени Солнце». Мальчик мучился, плакал, но из принципа не пел. Но старшеклассники не отставали. И добились того, что Витя вообще перестал посещать школьные сортиры, предпочитая терпеть до дома, лишь бы не слышать насмешек и издевательств. Нужно ли говорить о том, что песни Цоя парнишка терпеть не мог, как и музыку во всех ее проявлениях?

Отец, устроивший из жизни сына бесконечный перформанс, вскоре перебрался на жительство в Европу, предоставив сыну разбираться с проблемами самому. Маму в свои дела мальчик не посвящал, видя, что у нее другая жизнь с другим мужчиной и он им совсем неинтересен. Поэтому семиклассник Цой самостоятельно вынес отцовскую гитару на помойку, а диски раздал друзьям.

К окончанию школы Виктор делил людей на две группы – на тех, кто по поводу и без пытались иронизировать над его особенностью. И на остальных, которые после первого удивления необычности имени больше не замечали.

Задумываясь, кем бы он хотел стать, мальчик все больше склонялся к профессии следователя. Прежде всего потому, что всей душой радел за справедливость. Да и, честно говоря, мечтал утереть нос своим обидчикам – уж следователю Цою никто не посмеет прокричать в лицо про «Огурцы» и «Кукушку»! Была и еще одна причина. Летом, на каникулах, он был отправлен на дачу к деду, и на чердаке старого дома обнаружил клад. Клад хранился в старой спортивной сумке с советским гербом и состоял из подборки журналов «Наука и жизнь» за семидесятый год и одного-единственного англоязычного комикса под названием «Синий жук», датированного тысяча девятьсот шестьдесят седьмым годом. Пытливый мальчик запасся словарем, и уже к вечеру знал его содержание.

Комикс рассказывал о жизни и подвигах Чарльза Виктора Сзасза, называющего себя Вик Сейдж. Когда Вик Сейдж, работающий тележурналистом, сталкивался с историями, которые он не мог расследовать обычными, законными путями, то надевал специальную маску – маска находилась в пряжке его ремня и полностью скрывала лицо. Так хорошо скрывала, что со стороны казалось, будто у Вика вообще нет лица. Сейдж придумал себе прозвище Вопрос, потому что на месте, где он побывал, журналист оставлял пустую визитную карточку, и при прикосновении карточка, как дым, таяла знаком вопроса.

Под впечатлением от комикса Виктор стал называть себя Виком и жизнь свою решил связать с разгадкой криминальных тайн. Вик присовокупил к этому решению давнишние стремление к справедливости и желание избавиться от назойливых подколов и получил на выходе профессию следователя.

Поступив на юридический факультет университета, он подумывал купить шляпу-федору, к ней классический костюм, и, стараясь максимально походить на Сейджа-Вопроса, зимой и летом не снимать двубортный плащ в пол, однако не хватило решительности. Продолжая держаться особняком, Вик, серый и незаметный, часто после занятий в одиночестве бродил по Москве, однако Арбат обходил стороной, ибо исписанная признаниями в любви и горестными высказываниями по поводу ранней кончины Цоя стена казалась ему собственным надгробьем.

Перемахнув тридцатипятилетний рубеж, Вик стал замечать за собой определенную самоуверенность – должно быть, профессия наложила отпечаток. В определенный момент самоуверенность его достигла такой степени, что, застав жену с любовником, следователь Цой указал Оксане на дверь. Правда, сделал это довольно конфузливо, стыдясь чужого позора и переживая за неловкую ситуацию, в которую заставил попасть других.

Как благородный дон, Вик не мог навсегда выгнать на улицу любимую женщину, пусть даже и поступившую с ним не лучшим образом. У Оксаны своего жилья не имелось, поэтому решили разменять трехкомнатную квартиру обманутого мужа на «Щукинской».

Узнав о намерениях приятеля, Карлинский не успокоился до тех пор, пока следователь не вселился к нему на Басманную. Честно говоря, Вик еще ни разу о своем решении не пожалел. С соседями жили хорошо, хотя и шумно, поскольку вторая обитательница коммуналки тоже была невероятно энергична, но совершенно в другом роде.

Несмотря на преклонный возраст, Вера Донатовна Ветрова до сих пор возглавляла Дом культуры «Гудок», благо находился он тут же, прямо во дворе их одноэтажного флигеля. И пронзительный голос Веры Донатовны с утра до вечера разносился на обнесенной забором территории хриловатым дискантом. Сухая старуха с седыми, как лунь, и жесткими, как леска, короткими волосами поистине была вездесуща. Только что ее видели стремительно взбирающейся по широкой лестнице Дома культуры на второй этаж и оббегающей многочисленные помещения с целью проверки, все ли занятия ведутся согласно графику и не слишком ли много позволяют себе преподаватели. И вот уже ее цветастый сарафан мелькает в саду – Вера Донатовна гоняет дворника, не с должной тщательностью подметающего дорожки.

Характер у старухи оказался просто замечательный. Она называла соседей «мои мальчики», благоговела перед Карлинским, обращалась к нему не иначе, как по имени-отчеству,

на «вы» и почтительно понизив голос. Вика же опекала, считая неприспособленным к жизни простачком. По собственной инициативе соседка убиралась в его комнате, и, что самое главное, поливала его цветы, которые Вик любил, но все время о них забывал. Помимо этого Вера Донатовна считала необходимым взять на себя заботу о питании «мальчиков», поэтому психиатр и следователь каждый день получали от соседки завтраки и ужины. Обедали по отдельности. Гурман Карлинский питался в ресторане, Вик посещал столовую прокуратуры.

Помимо приготовления еды старушка следила за их одеждой и убирала просторную квартиру. О квартире стоит сказать особо. По сути, это был одноэтажный семикомнатный дом с ванной и туалетом, который некогда служил квартирой для экономки владельца усадьбы. Состоятельный Карлинский оснастил кухню современной бытовой техникой, что значительно облегчало коммунальный труд Веры Донатовны. Расходы несли вскладчину, оставляя изрядные суммы в серванте и предоставив старушке тратить деньги так, как она сочтет нужным.

Вспомнив соседку, Вик сглотнул голодную слюну и полез в портфель. Вера Донатовна наверняка положила бутерброды со своей неизменной баночной ветчиной. Ветчина была бельгийская, со сбитым сроком годности на проржавевшем металле, и, судя по банке, можно было предположить, что изготовили ее еще перед Второй мировой войной. Из каких стратегических запасов старуха эти банки выуживала и приносила на кухню, оставалось загадкой, однако Вера Донатовна другой ветчине не доверяла, и Виктор смирился, посчитав, что даже такие бутерброды все-таки лучше, чем вообще ничего. В груди вдруг больно защемило – Оксана никогда не собирала с собой поесть.

Порывшись в захламленном отделении портфеля и вынув плотный сверток из фольги, Вик отложил еду в противоположную от документов сторону и нажал на клавишу электрического чайника. Чайник фыркнул и отключился.

Как и следовало ожидать, воды в нем не оказалось, и следователю Цою пришлось выбраться из-за стола, покинуть насиженный кабинет и с чайником в руке отправиться в путь по сумеречному коридору. В туалете, пользуясь случаем, он хорошенечко вымыл чайник от накипи, тщательно сполоснул руки, без особого удовольствия рассматривая в мутное зеркало свое невыразительное лицо в очках с толстыми линзами и размышляя, а не отпустить ли для солидности бородку.

Какой он кореец? Скорее невзрачный такой славянин. Может, борода добавит ему шарма? А может, и наоборот – окончательно низведет в категорию очкариков-ботанов, к которой Виктора частенько причисляли те, кто видел в первый раз. Жалко, что нельзя и в самом деле иметь в ремне маску, стирающую лицо.

Так и не придя ни к какому решению по поводу бороды, Вик наполнил чайник водицей и двинулся назад. Он прошел уже большую часть пути, когда залился трелью смартфон в кармане форменных брюк. Питая надежду на случайный вызов, следователь остановился, балансируя полным чайником, вытащил аппарат и, взглянув на экран, чертыхнулся. Вызов был отнюдь не случайным. Звонил капитан Леднев из уголовного розыска.

– Следователь Цой слушает, – казенным голосом отчеканил Виктор.

– Что же ты, Витюша, трубочку городскую не снимаешь? Не в кабинете, что ли? Гуляешь по пустынным коридорам родной прокуратуры?

Леднев был из тех, из наглых, которым Вик завидовал. Молодой нахрапистый капитан, похожий на бычка-трехлетку, быстро сходил с людьми и мог в считанные секунды обаять любую барышню, чему Виктор неоднократно был свидетелем, ибо последние годы чаще всего работал именно с Дмитрием Анатольевичем. Иногда после работы они отправлялись попить пивка, и вот тогда Леднев и проявлял свой недюжинный талант.

– Дим, привет. Чего хотел?

– Тебя хотел. Давай, комрад, спускайся, прокатимся в центр. Машина под парами. Все в сборе, только тебя не хватает.

В голове сразу возник образ их любимого пивного бара в Сверчковом переулке, а также частенько отдыхающих вместе с ними ребят-оперативников, и Вик растерянно забормотал:

– Ты что, Димон? В какой центр? Я на дежурстве.

– А я к тебе как к дежурному и обращаюсь. Спускайся скорее, едем на возможный труп, не задерживай людей, всем по домам охота.

Вернув злополучный чайник в кабинет, и так и не вспомнив про бутерброды, следователь Цой подхватил портфель и выскочил на улицу.

В просторной «буханке» пахло беляшами, пустой пакет из-под которых лежал тут же, на торпедке, рядом с урчащей рацией, и одуряюще благоухал. Капитан Леднев развалился рядом с водителем, а оба эксперта – молодой развязный криминалист и собранный пожилой медик, расположились напротив Виктора, и сыто отдуваясь, ковыряли в зубах.

Разглядывая такие разные лица, имеющие одинаково умиротворенное выражение сонной одури, следователь всю дорогу вспоминал о забытых в кабинете бутербродах и мысленно казнил себя за рассеянность.

Промчавшись по центру, машина свернула в подворотню и медленно вползла в темный двор-колодец из домов красного кирпича. Посреди двора стояла полицейская машина, вокруг которой толпились люди. Гудками разгоняя толпу, водитель втиснулся в промежуток между потрепанным «Фольксвагеном» и стеной старинного, еще дореволюционного, дома и заглушил мотор.

И тут же дверь «буханки» распахнулась, и участковый инспектор, заглядывая в салон и определяя Леднева как главного, сбивчиво заговорил:

– Ну, слава богу, приехали! Соседи меня вызвали, их запах насторожил. Я дверь открыл, а там останки.

– Не трогали ничего? – строго глянул на инспектора Леднев.

– Ни-ни, понятия не дадут соврать. Все как положено, вместе с понятиями вошли, увидели тело – и сразу же вызвали вас.

Этажей в доме было два, как и подъездов, и нужная квартира оказалась на верхнем этаже. Участковый инспектор распахнул высокие двери с грубо выломанным замком и впустил следователей в квартиру, занимающую целый этаж. Волна омерзительного запаха тут же накрыла вошедших, парализуя сознание. И, глядя на подавляющих рвотные позывы коллег, Вик похвалил себя за то, что не стал наедаться перед выездом.

– Гнилушка, – обмахиваясь папкой, по-стариковски проворчал судебно-медицинский эксперт.

Квартира была огромная и представляла собой студию с дизайнерским ремонтом. Похоже, хозяин предпочитал три цвета – белый, черный и красный, ибо белые стены соседствовали с черной мебельной кожей, и изредка, как элементы дизайна, встречались вкрапления красного.

– Начните с окон, – сдавленно попросил Вик заметно побледневшего эксперта-криминалиста, борясь с желанием прямо сейчас, немедленно, распахнуть все окна настежь и проветрить помещение.

Преодолевая дурноту, следователь Цой отправился в путешествие по квартире, отыскивая источник трупного запаха. И, заглянув в спальную зону, наткнулся на склонившегося между двух стеллажей Леднева.

– Здесь, – чуть слышно проговорил капитан, отодвигаясь в сторону.

Виктор перевел взгляд на пол и увидел черный ковер, на котором виселось тело, прикрытое сброшенным с кровати алым покрывалом. Тут же, словно из ниоткуда, возник юный криминалист и защелкал фотоаппаратом. Осторожно, точно тело могло взорваться, Леднев приблизился и потянул покрывало за край. За годы службы Цой видел всякое и все-таки никак не мог привыкнуть к таким вот разложившимся трупам. Вернее, к тому, что от них осталось.

К темным студням вместо лица, к вспухшим туловищам под пиджаком. И умопомрачительному запаху.

Скорбно поджав губы, толстяк-медэксперт натянул резиновые перчатки, склонился над останками и сдавленно проговорил:

– Зря ждете. Я мало что вам сейчас скажу.

– Хотя бы главное – естественная смерть или насильственная? – стараясь не дышать, просительно выдохнул следователь.

Старик обиженно глянул на Виктора и сухо процедил:

– Не все сразу. Дайте хотя бы полчаса.

Вик спорить не стал, а, устроившись у распахнутого окна, взялся за составление протокола осмотра. Каждый занимался своим делом – эксперт-криминалист искал следы, судмедэксперт возился с трупом, а капитан Леднев с сотрудниками полиции обходили дворы и окрестные дома в поисках возможных свидетелей. Ничего особенного. Обычный рабочий момент трудового дня следователя городской прокуратуры.

Москва, август 1910 года

Большую часть жизни Долли провела в Британии, но к двадцати трем годам вдруг ощутила острую потребность вернуться домой. Должно быть, этому желанию поспособствовала неожиданно объявившаяся графиня Святополк-Червинская, тетушка по материнской линии, оплачивавшая пансион. Графиня забросала племянницу письмами с рассказами о замечательных вещах, которыми в последнее время наполнилась ее некогда унылая жизнь. После смерти графа Екатерина Францевна всей душой отдалась теософии – мистическому учению с восточным колоритом. Создательница учения, Елена Блаватская, почитавшаяся как носительница великой мудрости, некогда уехала из России на Запад, оттуда и транслировала в мир тайные знания, ставящие своей целью примирение всех сект и религий под единой системой этики, базирующейся на вечных истинах.

Тетушка писала, что по субботам в ее доме собираются именитые теософы, и увлеченно перечисляла на страницах писем незнакомые имена. Также она писала, что одна теософская дама, Анна Рудольфовна Минцлова, не только знакома с самой Блаватской, но и как две капли воды походит на их великую соотечественницу. И, кажется, так же осведомлена обо всем, что касается тайных знаний. Минцлова недавно вернулась из Германии, где свела знакомство с главой немецкой секции теософского общества Рудольфом Штайнером, основавшим собственное учение. Штайнер во главу угла ставит мистерию, считая разыгрывание библейских сцен лучшим погружением в эзотерические тайны. Русские последователи немецкого новатора тоже задумали ставить теософские сценки, дабы пережить те же самые откровения, что и участники великих событий мировой религии.

Ведь только подумать, как будет чудесно воссоздать «Рождение Христа»! Или «Поклонение волхвов Божественному Младенцу принесением даров»! И даже «Танец Саломеи с головой Иоанна Крестителя» был бы не лишним на их еженедельных субботних вечерах. А кому танцевать Саломею? Не преклонного же возраста дамам теософского склада ума и солидной комплекции. Вот если бы Ольга вернулась в Россию и влилась в их ряды!

Ведь не зря тетушка выбрала эстетический пансион леди Эмили – она, графиня Святополк-Червинская, догадывалась – да что там догадывалась, знала наверняка! – что искусство свободного танца, которым за годы ученичества в совершенстве овладела племянница, когда-нибудь обязательно послужит для высших целей. Екатерина Францевна ни на что не намекает и вовсе не хочет давить, но все эти годы она оплачивала содержание племянницы за границей, и полагает, что вправе рассчитывать на ее отзывчивость.

Искусство свободного танца, о котором писала графиня, захлестнуло Европу и Америку, породив многочисленные школы, где по методике француза Дельсарта обучали выражать свои чувства посредством пластических движений, которые с некоторой долей условности можно было назвать танцем. Было начало века, конец традиционной религии, конец традиционного искусства. В пик классическому балету сцены заполнили последовательницы Айседоры Дункан и Лои Фуллер, босоногие танцовщицы, учившиеся танцевать не у строгого преподавателя балета, готового отчислить из училища за малейшее самоволие, а у матери-природы, самоволие поощрявшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.